

Оригинальная статья

УДК 130.2

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-1-31-40>

Образ противостояния в современных кинопрактиках о космической гонке

Кирилл Олегович Добронравов

*Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия,
kirilldobronravov07@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-9663-8661>*

Введение. Космическая гонка играет важную роль в конструировании современного нарратива, обосновывающего политические амбиции, технический прогресс и положение статус-кво. В связи с этим целью статьи является анализ образа противостояния двух сверхдержав в период космической гонки.

Методология и источники. В статье используется сравнительный анализ различных нарративных моделей и образно-визуального ряда отечественных и зарубежных фильмов. Для понимания особенностей формирования образа противостояния применяется междисциплинарный подход. Основными источниками исследования выступают как работы теоретиков «memory studies» П. Хаттона, Яна Ассмана, М. Хальбвакса, П. Нора, так и современных исследователей отечественного кинематографа О. Ю. Малиновой, А. Е. Пискуновой, Н. А. Лысовой, Д. В. Мдянец, Е. Ю. Перовой, а также концепция миметического желания Р. Жерара. Временные рамки для отбора материала определялись с опорой на периодизацию, предложенную коллективом авторов под руководством В. С. Авдониной, и ограничиваются современным этапом «селективного использования истории». Материалом для анализа выступили отечественные и зарубежные фильмы о космической гонке: «Время первых», «Покажи мне луну», «Темные фигуры», «Салют-7».

Результаты и обсуждение. Современные отечественные фильмы, посвященные освоению космоса, конструируют образ вневременного противостояния между Россией и Западом. Этот нарратив пронизывает имперское и советское прошлое и находит отражение в современной политической риторике. В основе сюжета лежит идея миметического соперничества двух сверхдержав. Мотивации героев отечественных и зарубежных фильмов пересекаются. Однако если отечественный нарратив обращается к ностальгии по прошлому, то зарубежный выстраивается на оппозиции с прошлым по вопросам гендерной, расовой и национальной дискриминации.

Заключение. Делается вывод, о доминирующей роли достижений прошлого в конструировании коллективной памяти. Героизм демонстрируется через мобилизацию внутренних ресурсов в «мирное» время и очеловечивание мифологизированных ранее героических образов.

Ключевые слова: холодная война, естественное, кино, космос, образ свой/чужой

Для цитирования: Добронравов К. О. Образ противостояния в современных кинопрактиках о космической гонке // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 1. С. 31–40. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-1-31-40.

© Добронравов К. О., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Image of Confrontation in Modern Cinematic Practices about the Space Race

Kirill O. Dobronravov

*Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia,
kirilldobronravov07@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-9663-8661>*

Introduction. The space race plays an important role in shaping the modern narrative, justifying political ambitions, technological progress, and the status quo. Therefore, the aim of the article is to analyze the image of confrontation between two superpowers during the space race.

Methodology and sources. The article uses a comparative analysis of various narrative models and visual imagery in domestic and foreign movies. An interdisciplinary approach is applied to understand the specificities of the formation of the image of confrontation. The main sources of the research are the works of theorists in memory studies such as P. Hutton, Jan Assmann, M. Halbwachs, P. Nora, as well as contemporary researchers of Russian cinema O.J. Malinova, E.A. Piskunova, D.V. Medyanets, N.A. Lysova, E.A. Perova, as well as the concept of mimetic desire by R. Girard.

Results and discussion. It has been shown that modern Russian movies dedicated to space exploration construct an image of timeless confrontation between Russia and the West. This narrative permeates the imperial and Soviet past, and is also reflected in contemporary political rhetoric. The plot is based on the idea of mimetic rivalry between two superpowers. The motivation of the characters in domestic and foreign films intersects. However, while the domestic narrative appeals to nostalgia for the past, the foreign one is built on opposition to the past on issues of gender, racial, and national discrimination.

Conclusion. The conclusion is drawn about the dominant role of past achievements in constructing collective memory. Heroism is demonstrated through the mobilization of internal resources in “peaceful” times and humanization of previously mythologized heroic images.

Keywords: cold war, natural, cinema, space, image of one's own/other's

For citation: Dobronravov, K.O. (2025), “Image of Confrontation in Modern Cinematic Practices about the Space Race”, *DISCOURSE*, vol. 11, no. 1, pp. 31–40. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-1-31-40 (Russia).

Введение. Несмотря на окончание «холодной» войны, а также тот факт, что с распада Советского союза прошло более 30 лет, советское прошлое остается важной эпохой в конструировании коллективной памяти. Об этом свидетельствует результат анализа сообщений в социальной сети «ВКонтакте» с использованием больших данных. В постах, посвященных историческим героям и событиям прошлого, наиболее часто упоминаются руководители из советского прошлого – И. В. Сталин, В. И. Ленин, Н. С. Хрущев и М. С. Горбачев, а Ю. А. Гагарин держит первенство среди героев [1]. На значимость космонавтики в формировании национальной идентичности в нашей стране также указывают исследования ВЦИОМ [2] и Левада-Центра [3]. Из них мы узнаем о том, что в 2019 г. о распаде СССР сожалели 66 % опрошенных, а отечественная космонавтика находилась на втором месте в списке фактов, вызывающих гордость за страну, сразу после победы в Великой Отечественной войне [3].

При анализе сообщений в социальных сетях смыслового конструкта «война», Великая Отечественная война упоминается чаще всего в одном семантическом ряду со словом «победа» [4], в то время как «холодная война» практически не упоминается. Безусловно, это

связано с поражением социалистического блока в противостоянии с капитализмом, а также результатом антисоветской культурной политики 1990-х гг., несмотря на которую коллективная память осталась весьма чувствительна к советскому прошлому.

Методология и источники. О значимости советского периода в осмыслении современности говорит так же весомость кинопродукции, выпускаемой при поддержке Фонда кино, о достижениях недалекого прошлого. Риторика борьбы с «советским», а также попытка отдалить его посредством критики 90-х гг., завершилась переходом к новому этапу (с 2012 г.), который вслед за авторами монографии «Советское прошлое в политической риторике современной России» можно назвать «этапом селективного использования» [5, с. 214] или как вслед за Т. ван Дейком называют его авторы монографии «дискурсивной макростратегией селективной актуализации» советского прошлого. Селективность предполагает «обращение лишь к отдельным положительным фрагментам истории. С помощью объединения их в одну картинку создается позитивная, прекрасная история о прошлом ... которого никогда в таком виде не существовало» [5, с. 16–17]. Так память о советском режиме не подвергается забвению, а конструируется через инструменты культурной политики, что укрепляет единство и сплоченность российского общества в соответствии с целями культурной политики Российской Федерации [6] и изменениями, внесенными в закон о ней [7].

Безусловно, коллективная память – это результат конструирования прошлого посредством медиаконтента, телевизионных программ, кинопродукции, исторического нарратива в учебниках истории, кураторских практик и практик коммеморации в музейном пространстве и пространстве города. Однако кино как искусство не только нарративно, но и создает иллюзию аутентичности в силу своей технической природы, становится значимым проводником современной политики памяти, проводимой государством или иными акторами. Самопрезентация современности, опрокинутая в прошлое, не только отечественное, но и зарубежное явление. Достаточно обратить внимание на премию Оскар, которая чаще всего достается фильмам, отразившим уже знакомые зрителям стереотипы американской культуры прошлого [8].

В нашей стране Фонд кино является самым крупным спонсором кинопроизводства. Фильмы, снятые при поддержке Фонда, стремятся соответствовать принципам государственной политики в области исторической памяти. Для отечественных фильмов, снятых по мотивам реальных событий, освобождают от конкурентов уикенды, активно популяризируют это кино среди школьников, используя такие инструменты как портал Госуслуги, «Разговоры о важном», Пушкинскую карту. Однако популярность таких фильмов на стриминговых площадках говорит не только об использовании административного ресурса, но и об общественном запросе на ностальгию по прошлому.

С другой стороны, в последнее время тема космоса в кино претерпела свое повторное рождение. В этом плане космос становится площадкой для встречи с самим собой другим, местом переживания экзистенциального одиночества, бытовой рутины и героического подвига. Такие фильмы как «Гравитация», «Луна 2112», «Марсианин», «К звездам» свидетельствуют об устойчивом интересе к теме космоса на Западе. В связи с этим отечественные фильмы становятся жанровым продолжением фантастических зарубежных триллеров. Однако отечественное кино отличается тем, что переводит фантастическое в прошлое, приземляя бес-

конечность воображения на историческую почву. Подкрепляя известную поговорку «Россия – страна с непредсказуемым прошлым», сценаристы и режиссеры активно осваивают исторические сюжеты на предмет удачной киноадаптации. Чаще всего интерес сценаристов вызывают уже известные мемуары, исторические романы и биографии. Эти формы художественного творчества активно опираются на письма, телеграммы, общеизвестные факты и свидетельства очевидцев, добавляя к ним факт личного присутствия, немного воображения на почве особенностей личного восприятия. Введение в оборот общественной практики новых источников, претендующих на отражение исторических событий сквозь призму личных переживаний, не успевает обрабатываться исторической наукой. Многие из опубликованных за последнее время работ в жанре «non-fiction», либо игнорируются научным сообществом, либо принимаются критически. Однако, влияние подобной литературы на общество нельзя недооценивать, особенно если она положена в основу сценария.

В связи с этим классические работы в «memory studies» таких авторов, как П. Нора [9], М. Хальбакс [10], Ян Ассман [11], П. Х. Хаттон [12] требуют пересмотра. Несмотря на иронию Д. Олика по поводу роста числа публикаций в рамках этого исследовательского поля, нам еще предстоит выработать новый подход в этой сфере в связи с изменяющейся реальностью [13]. В след за О. Ю. Малиновой можно говорить о соперничестве различных режимов памяти в конструировании национальной идентичности, а значит, легитимизации статус-кво и, следовательно, и делегитимизации статус-кво иной инстанции власти [14, с. 31]. Так кино, основанное на реальных событиях, становится инструментом конструирования коллективной памяти конкурирующих на поле культуры государств. Конкуренция происходит не только за размер кассовых сборов, но и за доминирование своей картины прошлого в коллективном сознании.

Безусловно, когда предметом анализа «memory studies» является историческое кино, мы не можем интерпретировать его в отрыве от эстетики и идеологии. Художественное кино, в основе которого лежат реальные события, а действие осуществляется реальными персонажами, согласно энциклопедическому словарю можно назвать историческим [15]. Однако нарративная и художественная составляющие не могут не доминировать над исторической стороной, ведь кино – это прежде всего развлечение, которое должно быть интересно зрителю. В связи с этим авторы берут исторические сюжеты за основу интересной с художественной точки зрения истории, которая, не претендуя на полное историческое соответствие, формирует картину мира зрителей. И как бы не били в набат профессиональные историки, публичная история всегда идёт вразрез с академическим знанием, ведь по своему определению публичная история – это то, что происходит за пределами университета [16, с. 11].

Развлекательный кинематограф и вовсе долгое время не претендовал на аутентичность. За сюжетную основу фильмов, посвященных прошлому, в советское время достаточно часто брали художественные произведения или вовсе фантазию о прошлом. Реже брали исторические сюжеты. Они отбирались в соответствии с советской идеологией, господствовал общий метанарратив о прогрессивности одних социальных явлений в противовес регрессивности других. Например, в советском кино редко можно встретить положительный образ священнослужителя, однако за фасадом масштабных исторических событий часто пряталась лирика, повествующая о личных переживаниях исторических личностей. Несмотря на явные художественные достоинства фильмов о прошлом, снятых в советское время, современные кинематографисты называют их политически ангажированными, не актуальными,

а то и вовсе требующими нового взгляда в связи с запросом современного зрителя. Разные источники могут по-разному раскрывать события прошлого, а в последнее время и вовсе начался новый бум на обновление привычного взгляда на события прошлого. Так современные творческие деятели стремятся конкурировать не только с современным прокатом, но и с деятелями культуры прошлых лет. Когда французский философ Рене Жерар предлагает «миметическое желание» как концептуальную рамку для анализа явлений современной культуры, мы видим в ней универсальный принцип современной конкурентной модели в области перекодирования коллективной памяти о прошлом. Лейтмотивом фильмов про освоение космоса становится стремление восполнить и утвердить свое бытие за счет другого. Как пишет Р. Жерар «соперник уже обладает, как нам кажется, определенным бытием, что конструирует в нас жажду иметь то, что, как нам кажется, у него есть» [17, с. 192–193]. Из цитаты видно, что конкуренция, в основе которой лежит идея миметического желания обладать тем, что, как кажется, есть у другого, находится ложная посылка о фантазме наличия «определенного бытия». Так наличие образа будущего, конструируемого в советское время, на поверку оказывается важнее реального его воплощения. Советская космическая эра и победа в Великой Отечественной войне вызывают к возвышенным образам надежды и веры в силу человека и человечества, особенно актуальным сегодня.

Потребность в символах, мифах и нарративах советского периода продолжает актуализироваться в общественном сознании в виде запросов и ответов. Бизнес и власть не только спекулируют ожиданиями народа на уровне политической риторики, но и активно эксплуатируют советскую символику приватизируя ее смыслы. «В свете этого актуализация “космического кино” как средства репрезентации событий советского прошлого связана с возрождающимся общественным интересом к теме освоения космоса, который делает востребованной память о космической гонке эпохи “холодной войны” не только в плоскости конкретных исторических сюжетов, но и в контексте устойчивых символов, нарративов и мифов того времени» [18, с. 74].

Символ ученого и космонавта, нарратив преодоления трудностей ради будущих поколений, вера в науку и научно-технический прогресс, покорение и освоение природного пространства, народный характер героев отечества, преимущество настоящего над прошлым – эти символы и мифологемы не чужды нашему времени и у нас, и на Западе. Символическое обладание преимуществом в прошлом оборачивается усилением позиций в настоящем. Гонка по освоению космоса становится пространством конкуренции за обладание статусом доминирующей сверхдержавы, а также создает ряд фантазмов по использованию этого преимущества в военных и политических целях. Обращение к этой тематике в контексте ностальгии определяется политико-экономической ситуацией последних лет, в рамках которой коммеморация космоса становится распространенной практикой как в России, так и в США.

Результаты и обсуждение. Сегодня невозможно представить исследования памяти без обращения к кинематографу, тем более что этот вид искусства позволяет наиболее широко и глубоко воздействовать на коллективное бессознательное. Более того, в контексте современных медиатехнологий вовсе не обязательно смотреть кино от начала и до конца. Его образы, сюжеты и символы тиражируются в самом различном медиаконтенте от рекламы и новостей, до обзоров и критики в блогосфере. Кино, в основе которого лежит известное всем событие,

не претендует на просвещенческий характер, ведь чаще всего оно спекулирует на уже известном, создавая из прошлого идеализированный образ «золотого века» или антиутопии. Искривленный субъективным сознанием автора художественный образ живет по законам игрового, а не исторического кино [19]. Тем не менее спрос на такое кино не только со стороны общества, но и со стороны государства растет с ростом технических возможностей зрелищности и силе воздействия на зрителя. Но зрелище – это не только форма подачи содержания, а еще и способ трансляции целого комплекса этических, идеологических и ценностно-смысловых значений.

Таким образом, конструируется русскость, как вневременной нарратив, пронизывающий имперское, советское прошлое и современность. Этот нарратив демонстрирует иную форму взаимодействия между героями от товарищества и взаимопомощи, бескорыстной любви и самопожертвования, до веры в будущее общества, науки и человека. Этот нарратив вызывает в нас сильные чувства, так как демонстрирует будущее, которому не суждено было случиться из-за поражения в «холодной войне», а временный технологический прорыв в будущем обернется системными проблемами. Такой зазор между прошлым и настоящим формирует в нас ощущение гордости за прошлое настоящего и образ несбыточного будущего прошлого. Надвременной конфликт между странами западного и социалистического блоков, разворачивается в горизонте освоения космоса, что является триумфом советской и зарубежной науки.

В фильме «Время первых» мы наблюдаем, как конкуренция с США в космической гонке подгоняет ответственных за полет, в частности, Королева перенести сроки на более ранние. И если в начале фильма речь идет о пересмотре даты выхода в открытый космос на несколько лет раньше, то перед самым полетом 18 марта 1965 г., мы узнаем, что вопрос первенства в космосе, это вопрос не нескольких лет, а двух месяцев.

Американские космические силы также «дышат в спину» советским летчикам в фильме «Салют-7», действие которого разворачивается в 1985 г. Трех месяцев на устранение последствий аварии и затопление космической станции у СССР нет, так как США в течении нескольких недель готовы запустить свой более совершенный летательный аппарат для захвата станции. Тема «звездных войн» и «космических войск» поднимается во многих отечественных фильмах как возможное будущее или практически свершившееся настоящее.

Аналогичным образом, американские специалисты NASA в фильмах «Покажи мне луну», «Скрытые фигуры», «Апполон 11» ускоряют темпы работы, а также переносят крайние сроки только для того, чтобы обогнать противника в космической гонке, а страх по поводу использования космоса в военных целях придает борьбе не только символический, но и военно-стратегический, т. е. прагматический характер. Безусловно, ни СССР в конце 50-х, ни США в 60-е не имели военного преимущества за счет освоения космоса. Утверждать такое все равно что считать, что высадка Армстронга на Луну равносильна основанию там военной базы. Тем не менее факт остается фактом, космическое пространство мыслилось военными и политическими силами как продолжение пространства земного.

Стоит отметить, что фигура космонавта в отечественном кино, как правило, представляет из себя весьма героический образ – человек, который ради Родины готов пожертвовать семьей, карьерой, жизнью. Такой патриотизм объясняется не столько желанием служить системе, что часто демонстрируется через конфликт между формальным подчинением и реальной мотивацией персонажей, сколько помощью ближнему, службой обществу, стремле-

нием в истории совершить что-то великое, ответить на вызов времени. Сама система тоже не выступает как некое обезличенное начало, у героев и зрителя рано или поздно случается разговор по душам с начальниками всех уровней от генерального секретаря партии до ответственного за полет. Человеческая мотивация побеждает безличный долг, герои отвечают за тех, кто рядом, они готовы нарушать формальные медицинские, технические и юридические требования ради дружбы, заботы, любви к собственному делу.

В зарубежных фильмах мы видим, как гендерная и расовая повестка выходит на передний план и затмевает вневременной образ героя. Помимо профессиональных трудностей, героиням приходится преодолевать трудности социального плана. В таком случае ускорение сроков реализации инженерного проекта становится вызовом под силу только реальным специалистам, что дает возможность героиням проявить себя. Такое проявление неизбежно ведет к изменению культуры и социальной практики по дискриминации меньшинств. В какой-то момент с девушками и темнокожими не только начинают считаться, но и дают им полномочий больше, чем рядовым сотрудникам. Возможная военная и символическая угроза со стороны Советского Союза в американском кино не уступает угрозам внутренним, а порой носит вторичный по отношению к гендерной или расовой проблематике характер.

Мир противника по «холодной войне» представлен в задокументированном виде – зрителю демонстрируются фото- и видеоархивы того времени, в виде технологического фантазма, через схемы возможного в будущем технического оснащения, а также через ироничное отношение к историческому событию через апелляцию к его репрезентации в народном сознании. «Русские все равно нам не поверят», – говорит главный герой фильма «Покажи мне луну» о высадке астронавтов на поверхность спутника Земли.

Однако общим остается то, что события по освоению космоса являются не частным делом научного сообщества, а стремятся перерасти в спектакль, так как «на нас смотрит весь мир» и «нельзя облажаться перед всем миром». В фильмах активно фигурирует тема фейка и подлинности, столкновение реальности «медиа» и внутренней кухни по производству космических открытий. Публичная ответственность толкает героев на необдуманный риск и предостерегает от него, а сокращение временной дистанции в космической гонке становится одним из способов усилить эмоциональное напряжение зрителей.

Еще одной отличительной чертой фильмов о космической гонке становится отсутствие Другого. Виртуальный противник не вступает в открытую конфронтацию, а потому остается за кадром как незримый, но всегда наблюдающий за героями. Они оказываются заложниками конструируемой не ими ситуации, из которой есть только один выход – подвиг. Такой подход способствует созданию позитивного образа целой эпохи, а вместе с ней и мифологизации биографий космонавтов, «что характерно для массового кино» [20].

В основе создания подобных нарративов о космической гонке лежит стремление преодолеть тот факт, что прорыв в космосе символически совпадает с исчезновением результатов этого прорыва. Нарратив только и конструируется для того, чтобы продемонстрировать причины исторического момента, будь это запуск спутника, выход в открытый космос или отправка астронавтов на Луну чередой последовательных событий, как если бы они действительно объясняли логику исторического процесса. В этой связи стремление видеть себя в отражении другого лишь свидетельствует об отвлечении внимания от того факта, что истинный конкурент в космической гонке (Китай), уже давно оставил обе космические державы позади.

Результаты и обсуждение. Конструирование коллективной памяти через обращение к достижениям прошлого становится доминирующим на этапе «селективного использования» истории в рамках современной культурной политики. Образ вневременного противостояния с Западом (или Советами в случае зарубежной кинопродукции) наряду с ностальгией по великим открытиям делает тему освоения космоса одной из самых востребованных в историческом кино. Демонстрация мобилизации внутренних ресурсов в «мирное» время «холодной войны» позволяет зрителю без труда ассоциировать себя с героями картины. Как правило, это весьма простые люди, которых волей судьбы занесло в исторические обстоятельства. Кинематограф, посвященный космической гонке, не только конструирует в коллективной памяти понятный образ прошлого, но и легитимизирует продолжающуюся гонку вооружений, экономическое и политическое противостояние с Западом, таким образом дополняя доминирующую политическую риторику образно-визуальным рядом. Кинопрактика становится продолжением политической риторики по созданию образа естественности цивилизационного выбора современной России, а в основе современной космической киногонки лежит все та же идея миметического стремления к символическому доминированию, что и в гонке космической, только на смену космическим технологиям приходят технологии медиа и кинематографа, а значит, время первых еще продолжается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Трубникова Н. В., Саркисова А. Ю. Герои национальных нарративов в зеркале исторической памяти рунета (на материале больших данных социальной сети «ВКонтакте») // Русин. 2022. № 69. С. 282–305. DOI: 10.17223/18572685/69/16.
2. Пипия К. Национальная идентичность и гордость: пресс-выпуск // Левада-Центр, 17.01.2019. URL: <https://www.levada.ru/2019/01/17/natsionalnaya-identichnost-i-gordost/> (дата обращения: 21.03.2024).
3. Память об СССР: Гагарин против Горбачева // ВЦИОМ, 2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pamjat-ob-sssr-gagarin-protiv-gorbacheva> (дата обращения: 21.10.2024).
4. Трубникова Н. В., Саркисова А. Ю., Рогаева И. Е. Исторические нарративы национальной идентичности в оптике больших данных Рунета: смысловые конструкты «война» и «мир» // Русин. 2023. № 74. С. 339–363. DOI: 10.17223/18572685/74/17.
5. Советское прошлое в политической риторике современной России / В. С. Авдонин, А. Ю. Долгов, Д. В. Ефременко и др. / под ред. Ю. Г. Коргунюка, Е. Ю. Мелешкиной. М.: ИНИОН РАН, 2024.
6. Указ Президента Российской Федерации от 24 дек. 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172706/ (дата обращения: 21.03.2024).
7. Указ Президента Российской Федерации от 25 янв. 2023 г. № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. N 808» // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_438209/ (дата обращения: 21.03.2024).
8. Genius Begins at Home: Shared Social Identity Enhances the Recognition of Creative Performance / N. K. Steffens, A. S. Haslam, M. K. Ryan, K. Millard // British J. of Psychology. 2017. Vol. 108, iss. 4. P. 721–736. DOI: 10.1111/bjor.12242.
9. Нора П. Всемирное торжество памяти / пер. с фр. М. Сокольской // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 391–403.
10. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007.

11. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. Н. Н. Сокольской. М.: ЯСК, 2004.
12. Хаттон П. Х. История как искусство памяти / пер. с англ. В. Ю. Быстрова. СПб.: Владимир Даль, 2003.
13. Olick J. K. Collective memory: a memoir and prospect // *Memory studies*. 2008. Vol. 1, iss. 1. P. 23–29. DOI: 10.1177/1750698007083885.
14. Малинова О. Ю. Режим памяти как инструмент анализа: проблемы концептуализации // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы / под общ. ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в СПб., 2020. С. 26–39.
15. Кино: энциклопедический словарь / под ред. С. Юткевича. 1987. URL: <http://art.niv.ru/doc/encyclopedia/cinema/index.htm> (дата обращения: 21.10.2024).
16. Сорочкин Ю., Склез В., Суверина Е. Публичная история – это не дисциплина: интервью с профессором Манчестерского университета Джеромом де Гру // *Артикульт*. 2013. № 11 (3-2013). С. 9–23.
17. Жирар Р. Насилие и священное / пер. с фр. Г. Дашевского. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
18. Пискунова А. Е. «Экранизация» памяти о советской космонавтике: (вос)производство образов в современном Российском космическом кино // *Вестн. ЮУрГУ. Сер. Социально-гуманитарные науки*. 2023. Т. 23, № 1. С. 73–80. DOI: 10.14529/ssh230109.
19. Лысова Н. А. Репрезентация образа прошлого в современных отечественных игровых исторических фильмах // *Философия и культура*. 2020. № 2. С. 12–26. DOI: 10.7256/2454-0757.2020.2.32256.
20. Медянец Д. В., Перова Е. Ю. Память как часть культурной идентичности (на примере образа «советскости» в отечественном кинематографе) // *Культурологический журнал*. 2022. № 4 (50): 6. DOI: 10.34685/HI.2022.50.65.030.

Информация об авторе.

Добронравов Кирилл Олегович – кандидат философских наук (2023), доцент кафедры театрального искусства и социокультурных процессов Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, ул. Красный путь, д. 36, Омск, 644072, Россия. Автор более 20 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия искусства, культурно-философская антропология, исследование конкретных культурных феноменов в контексте общих закономерностей существования культуры.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 25.10.2024; принята после рецензирования 17.12.2024; опубликована онлайн 20.02.2025.

REFERENCES

1. Trubnikova, N.V. and Sarkisova, A.Yu. (2022), "Heroes of national narratives in the Runet historical memory (based on big data from the VKontakte social network)", *Rusin*, no. 69, pp. 282–305. DOI: 10.17223/18572685/69/16.
2. Pipia, K. (2019), "National identity and pride: press release", *Levada-Center*, 17.01.2019, available at: <https://www.levada.ru/2019/01/17/natsionalnaya-identichnost-i-gordost/> (accessed 21.10.2024).
3. "Memory of the USSR: Gagarin vs. Gorbachev" (2021), *VCIOM*, available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pamjat-ob-sssr-gagarin-protiv-gorbacheva> (accessed 21.10.2024).
4. Trubnikova, N.V., Sarkisova, A.Yu. and Rogaeva, I.E. (2023), "Historical narratives of national identity in the optics of Runet big data: semantic constructs "war" and "peace"", *Rusin*, no. 74, pp. 339–363. DOI: 10.17223/18572685/74/17.
5. Avdonin, V.S., Dolgov, A.Yu., Efremenko, D.V. et al. (2024), *Sovetskoe proshloe v politicheskoi ritorike sovremennoi Rossii* [The Soviet past in the political rhetoric of modern Russia], in Korgunyuk Yu.G. and Meleshkina, E.Yu., INION RAS, Moscow, RUSSIA.

6. "Decree of the President of the Russian Federation of December 24, 2014 No. 808 "On Approval of the Fundamentals of State Cultural Policy"", *Consultant Plus*, available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172706/ (accessed 21.03.2024).

7. "Decree of the President of the Russian Federation of January 25, 2023 No. 35 "On Amendments to the Fundamentals of State Cultural Policy, approved by Decree of the President of the Russian Federation of December 24, 2014 N 808"", *Consultant Plus*, available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_438209/ (accessed 21.03.2024).

8. Steffens, N.K., Haslam, A.S., Ryan, M.K. and Millard, K. (2017), "Genius Begins at Home: Shared Social Identity Enhances the Recognition of Creative Performance", *British J. of Psychology*, vol. 108, no. 4, pp. 721–736. DOI: 10.1111/bjop.12242.

9. Nora, P. (2005), "World Celebration of Memory", *Neprikosvannyi zapas*, no. 2–3, pp. 391–403.

10. Halbwachs, M. (2007), *Les cadres sociaux de la memoire*, Transl. by Zenkin, S.N., Novoe izdatel'stvo, Moscow, RUS.

11. Assmann, Ja. (2004), *Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*, Transl. by Sokolskaya, N.N., LRC Publishing House, Moscow, RUS.

12. Hutton, P.H. (2003), *History as the Art of Memory*, Transl. by Bystrov, V.Yu., Vladimir Dal', SPb., RUS.

13. Olick, J.K. (2008), "Collective memory: A memoir and prospect", *Memory studies*, vol. 1, iss. 1, pp. 23–29. DOI: 10.1177/1750698007083885.

14. Malinova, O.Yu. (2020), "Memory Regime as a Tool of Analysis: Problems of Conceptualization", *Politika pamyati v sovremennoi Rossii i stranakh Vostochnoi Evropy. Aktory, instituty, narrativy* [The politics of memory in contemporary Russia and in countries of Eastern Europe], in Miller, A.I. and Efremenko, D.V. (eds.), *Izd-vo Evropeis. un-ta v SPb., SPb., RUS.*

15. "Cinema: encyclopedic dictionary" (1987), in Yutkevich, S. (ed.), available at: <http://art.niv.ru/doc/encyclopedia/cinema/index.htm> (accessed 21.10.2024).

16. Sorochkin, Yu., Sklez, V. and Suverina, E. (2013), "Public history is not a discipline. An interview with Professor Jerome de Groot of the University of Manchester", *Art&kult*, no. 11 (3–2013), pp. 9–23.

17. Girard, R. (2000), *La Violence et le Sacre*, Transl. by Dashevskii, G., Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, RUS.

18. Piskunova, A.E. (2023), "'Screening' the Memory of Soviet Cosmonautics: the (Re)Production of Space Images in Contemporary Russian Cinema", *Bulletin of the South Ural State Univ. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 1, pp. 73–80. DOI: 10.14529/ssh230109.

19. Lysova, N.A. (2020), "Representation of image of the past in modern Russian historical fiction films", *Philosophy and Culture*, no. 2, pp. 12–26. DOI: 10.7256/2454-0757.2020.2.32256.

20. Medyanets, D.V. and Perova, E.Yu. (2022), "'Memory as part of cultural identity (on the basis of the image of "Sovietness" in Russian cinema)", *J. of Cultural Research*, no. 4 (50): 6. DOI: 10.34685/HI.2022.50.65.030.

Information about the author.

Kirill O. Dobronravov – Can. Sci. (Philosophy, 2023), Associate Professor at the Department of Theater Art and Sociocultural Processes, Omsk State University, 36 Krasny put str., Omsk 644072, Russia. The author of more than 20 scientific publications. Area of expertise: philosophy of art, cultural-philosophical anthropology, study of specific cultural phenomena in the context of the general laws of the existence of culture.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 25.10.2024; adopted after review 17.12.2024; published online 20.02.2025.